

Я встретила с Ксюшей у нее дома (если так можно назвать съемную жилплощадь) — в квартире у парка Победы. Дело шло к полуночи. Развалившись в креслах друг против друга, мы попили вино и курили сигарету за сигаретой — за пару дней до того, как по Москве прокатилось: Ксения Стриж подверглась нападению террористов! У нее угнали машину и спалили квартиру! Бедная Ксюша теперь живет на тайной хате в Подмоскovie под охраной трех дюжих амбалов!

Узнать, насколько правдива эта жуткая история, оказалось довольно трудно — пострадавшая скрывалась и на контакты не шла. Однако мне все же удалось снести с неуловимой Стриж узнать: да, машин угнали, да, квартиру спалили на корню, да, приходится пока жить под Москвой, правда, не с тремя телохранителями, а просто у друзей. Самыми занятыми оказались подробностями. Чудом остался жив в выгоревшей дотла квартире домашний любимец собачьего происхождения Нахид (по-грузински — «животное»), по-прежнему веселым «стрижиным» голосом шепчет столь же чудом сохранившийся автоответчик, из хозбазы жилплощади не в претензии — ремонт уже идет полным ходом и вот-вот будет закончен. А что до машины, то сейчас Ксения ездит на таких же, как были у нее, «Жигулях», которые принадлежат радио, да и ее собственные скоро отыщутся — добросовестная милиция вернет машину, а заодно и назовет виновников. В общем, все наверняка закончится благополучно и жизнь возвратится на круги своя. Аллилуйя! Реклама — она ведь никогда не помешает. Тем более что у радио, которое Стриж предпочла «Европе плюс», в последнее время уж слишком много проблем.

— Как тебя утратило на такую радиостанцию уйти, которая на грани смерти? Не сегодня-завтра ее грозится закрыть.

— Не закроют. Потому что это лучшая радиостанция. Я ее услышала месяца три назад и поняла, что ухожу с «Европы плюс».

— А зачем же на своей бывшей работе скандал-то было устраивать?

— Да кто скандал-то устроил! Я просто пришла к руководству, положила заявление. А они меня отпустить не хотели. И в отместку прогулы вписали и по статье уволили. Это за семь лет службы! У меня такое чувство, что я семь лет отсидела и наконец вышла на свободу.

— Я на днях звонила на твоё бывшее место работы, интересовалась, как они тебя отпустили. Мне сказали: она нас предала и ушла к конкурентам. — Ха! А они не рассказали, как сами переманивали людей с других станций? А здесь меня даже никто не переманивал — я сама пришла и сказала: хочу работать.

— А я думала, что тебе сделали предложение, от которого ты не смогла отказаться. В смысле предложили кучу денег.

— Да кто знает, сколько мне

платили на «Европе плюс»? Да я там получала такие смешные деньги — только на «Сникерсы» и «Тампаксы». И условия работы — не позавидуешь. Под вывеской «Металлоремонт» делались обрезания... Время широкоформатных радиостанций прошло. Уже никто не слушает «Узелок завяжется», а потом Стинга. Те, кто любит джаз, включают «Престиж», кто предпочитает только русские песни — «Русское радио». Таков нормальный мировой уровень. На Западе на этом FM-диапазоне сотни станций, среди которых каждый слушатель выбирает по своему вкусу. А это широкоформатное месиво... Когда «Европа» была в Москве единственной музыкальной станцией, оно было оправданно и необходимо. А сейчас такая каша — ни в Красную армию, ни в другое место.

— Сейчас тебя все знают как Ксению Стриж. Это имя ты получила на «Европе плюс»...

— Я сама придумала этот псевдоним. Ксения Волынцева —

А контракт-то и вовсе нет, да и не было никогда! — Но если все же предположить худшее, что «Классику» возьмут и закроют? — Я умоляю! С моим умом и талантом я без работы не останусь. Я человек независимый и уверенный в себе.

— Независимость — понятие относительное. Ведь ты — не самородок из провинции, а девочка из актерской династии. Твой отец, Юрий Волынец, в свое время был весьма популярным человеком, играл в «Кабачке 13 стульев» пана Спортсмена.

— Дело в том, что отец как раз не хотел, чтобы я была актрисой. Он мечтал увидеть меня в форме стюардессы, работающей на международной линии. Поэтому когда я сдавала экзамены в Шукшинское училище, тщательно скрывала это от него. Потом, когда я уже поступила, сказала — и он ужасно расстроился.

— Сейчас отца твоего очень мало упоминают в прессе...

— Это естественно. Он вообще сейчас мало где появляется. Два года тяжело болел.

Школьный фильм, любовно-морковь. А второй был очень хороший. Правда, его всего два раза по телевизору показывали. Мне всегда хотелось больше играть в кино, чем в театре. Но я уверена, что не мы выбираем судьбу, а она нас. И если где-то не клеится — зачем биться лбом в закрытую дверь?

— Именно так ты думала, когда подрабатывала в студенческие годы?

— А что тут такого? Ну работала я посудомойщицей. Потом в квасной палатке. Да еще дворником. В то время москвичам, которые шли в дворники, давали коммуналки. Вот и подалась. Летом мела, а зимой лед колола. И там, где мое место рабочее было, стояло какое-то большое ведомственное здание — толи Академии наук, толи Министерства культуры. Я должна была расчищать тропинку для этих ученых деятелей, чтобы они благополучно донесли свои записки до рабочего места. И вот стою я зимой — в руках лед, лед долбаю: а-ах! а-ах! А тельце

фото Якова Титова

КСЕНИЯ СТРИЖ:

«КТО-НИБУДЬ ДА ОБОГРЕЕТ»

«Мой отец переживал из-за обложки «Собеседника»? Да у него был инфаркт!»

Сейчас даже в своем Театре Вахтангова играет очень редко. Да ему уже все это и не нужно — он свое все получили отдыхает.

— Поздно уже извиняться, но не в некоторых долях вины за его болезнь лежат на нашей газете. Когда мы перед президентскими выборами опубликовали на обложке твое фото с подписью «от коммунистов глаза в кучку», отец твой вроде сильно переживал...

— Переживал — это мягко сказано. У него был инфаркт! Он полгода лежал в больнице после этой истории. Я не успела объяснить ему, что не имею отношения к этой подписи. Он у меня — коммунист по убеждениям, и я стараюсь к его убеждениям относиться бережно. А тут...

— Почему же ты все-таки оставила актерское поприще? Ведь ты вполне благополучно закончила театральную школу.

— И два года проработала в театре-студии. И даже снялась в паре картин: «Пощечина, которой не было» и «Психодинамика колдовства». Опером вообще вспоминать нечего.

тешушное! Смотрю, идет какой-нибудь чувак из этих ученых — в шипах, с портфелем. Я к нему: простите, мужчина, вы не могли бы помочь? Я вот тут уже полчаса долблю одно место, а ничего не получается. Видно, сил не хватает. Он так оглядывается вокруг — чтобы коллеги не увидели или, еще хуже, подчиненные, ставит чемодан, берет меня лбом и — раз! Лед тут же откалывается. Потом берет портфельчик и улетает. А я стою, жду следующего. Смотрю, вот уже новый работник из-за угла выплывает. Я к нему: мужчина, вы не можете? Вот эти ученые дяди так мне всю дорожку и расчищали. Я сама только пару раз ударяла.

— Сейчас, наверное, такие условия тебе бы уже не удалось. Представь, останавливаешь джип: мол, дяденька, помогите лед сколоть. А оттуда вылезит парочка телохранителей... Я сегодня возле твоего дома наблюдала таких крутых парней.

— Это они в ресторан приезжают. У нас здесь любимый ресторан Лужкова. Сейчас, как ты уйдешь, возьму лом и пойду асфальт разламывать. Может, на чай дадут.

— Интересно, институтская жизнь театралов чем-то отличается от прочей студенческой?

— Там у нас считалось так: если не спился за четыре года, значит, будешь жить до ста лет. Хотя, наверное, это касается любого творческого вуза. Уж больно все богемно.

— Ну, богема не только алкоголем балуется, но и — страшно сказать — наркотиками. Или на тебя наговаривают?

— Все считают, что я этим делом балуюсь. Когда на «Европе» работала, часто ездила в другие города концерты проводить. И куда ни приеду, обязательно находились какие-то странные люди, которые подходили ко мне и так тихо: Ксюша, у нас есть хорошая травка. Я им: ребята, я не по этому вопросу. Вот так этим делом, мы свои. Ты же куришь, это сразу видно, ты постоянно в эфире под этим делом. А у меня старая закуска, мне лучше выпить. Не «Пепси», конечно, а что-нибудь покрепче. Мне вообще кажется, что это поколение, которое выбирает «Пепси», оно заодно и гашиш выбирает.

— Трудно поверить, что ты даже не пробовала.

— Пробовала. Однажды покуривала в компании — и меня сразу в сон потянуло. Всем хорошо, они жрут, а я спать хочу, сил нет. Потом меня такой хрип разорвал, что добултыхся не могли. Спала 12 часов. Будто димедрола нажралась. Ну и фиг ли? Постать я и так могу, без всяких допингов. Правда, расслабиться нужно. Уже пять лет работаю с одним выходным.

Программа «У Ксюши» идет

в воскресенье. С понедельника по пятницу я работаю на радио. И остается только суббота. В будние дни если и выпиваю, то мало. А так, чтобы уж хорошо расслабиться, съездишь на пикник к друзьям — все это я могу сделать только в единственный выходной. А на следующий день работа в прямом эфире. В общем, хочешь — не хочешь, все равно получается «после вечеринки». Я и не скрываю — мы вот по субботам ходим с ребятами в парк Победы. Возьмем винишка, сядем на лавочку... Люди подходят, улыбаются: «Здравствуйте, Ксения! Отдыхаете сегодня?»

— Да, отдыхаете.

— Ты уже больше десяти лет скитаешься по квартирам. Почему не живешь с родителями?

— Они и сами не живут вместе, развелись. Отец пристроился на даче у друзей. В нашей общей квартире осталась только мама... Я от родителей ушла, когда в 18 лет замуж вышла. На этой почве даже разругалась с ними.

— Выходит, родителей променяла на мужчину. Чем же он был так замечателен?

— Он был обычный парень, но очень способный артист. Я училась на первом курсе, он в том же училище на четвертом. Ему тогда было 23. Родители были категорически против нашего брака. Потому что он был иногородний, из Орла.

Когда закончил институт, его с удовольствием приглашали несколько московских театров — Моссовета, сатиры и другие. Но в ту пору было очень строго с пропиской, и он так и не смог нигде оформиться на работу. Во всех театрах ему говорили: да у тебя ведь жена москвичка, пусть пропишет. А как я могла прописать без родительского согласия?

— А родители, видимо, в свою очередь считали, что он на тебе женился ради прописки?

— Вот именно. Итак уперлись рогами — не сдвинешь. Мать даже заявила: «Или я — или он». Выбрала его. После чего с родителями не общалась два года. Даже не разговаривала. Можно было, конечно, попросить что-то у них отсудить. Но я была в таком пилюсочном возрасте и таким пенком — даже представить не могла, что можно судиться с родителями за какие-то метры. Да я и сейчас бы вряд ли на столь крайние меры пошла.

Сматерью у меня и до сих пор сложные отношения. Хотя прошло уже больше 10 лет, я с ней жить не могу... Тогда был, по-моему, 1984-й. То есть последний год, когда давали распределение. А поскольку московской прописки у моего мужа не было, его распределили за тридевять земель — в Омск.

— И ты с ним не поехала.

— Нет, не поехала. Он, конечно, звал, просил, но я сказала: ты закончил институт, дай и мне сделать то же самое. Хотя скучала, конечно. Несколько раз летала к нему, он пару раз приезжал. Но ведь в такую даль не наездишься — с нашими доходами. Он получал сто рублей в месяц, а стипендию да плюс подработка — выходило и того меньше. А билет в один конец — 50 рублей.

— Но для настоящей любви любые расстояния ничто. Или почему?

— Я не верю в любовь на расстоянии. Когда люди только что поженились, им надо быть вместе. А так — он там, а здесь, жизнь у каждого из нас шла своим чередом. Не то чтобы я без него загуляла или влюбила в кого-нибудь. Нет. Просто отвыкла. И когда он очередной раз приехал, у меня было ощущение, что это чужой человек. Даже не верила, что он мой муж и мы официально зарегистрированы.

Я вообще не понимаю людей, которые утверждают, что можно любить долгие годы, находясь в разлуке. Фигня! Любовь может быть только тогда, когда люди все время рядом. А потом черты стираются. И на собственном примере могу утверждать: время на самом деле лечит. Если хочешь забыть человека, надо уехать от него подальше.

Тогда я ему предложила: дайвай разведись. Какой смысл тянуть эти непонятные отношения? Для него, видимо, мое предложение было неожиданностью — он очень не хотел развода. Уехал к себе в Омск. И вскоре его забрали в армию. Когда вернулся, тут же ушел в

стабильный. А когда освобождался от очередных отпущений, могу себе позволить какой-то свободный выбор.

— Свободный выбор чреват разными неприятностями.

— Для того чтобы избежать неприятностей, существует презерватив.

— Не каждый мужчина с радостью соглашается его надевать перед тем, как...

— Ах, не согласен! Тогда пошел вон! И потом, ты можешь себе представить, чтобы такая, как я, с таким вот лицом, ложилась в постель с первым встречным? Как бы я ни была демократична, но не до такой же степени. И презервативом своим любовникам я предлагаю воспользоваться не потому, что боюсь болезней. Просто не хочу детей. И аборт тем более.

— Ты вообще не хочешь детей? Или пока не встретила того мужчину, от которого решилась бы родить?

— Не знаю. Наверное, я какой-то урод, но, даже дожив до 31 года, я все еще не хочу детей. Нормальные женщины в 20 лет готовы стать матерями. А я — не хочу. Вот если бы ребенку сразу было года три-четыре — так бы я не отказалась. А вся эта канитель — беременеть, вынашивать, рожать, ковыряться с подгузниками и пеленками — это не для меня. У меня отсутствует материнский инстинкт.

— Может быть, у тебя недостаточность женских гормонов?

— Фиг его знает! Может быть. Врачи говорят: если женщина не родила до 30, потом ей очень сложно это сделать.

— Я знаю. Поэтому теперь стараюсь об этом не думать. Вряд ли я уже когда-нибудь решусь что-то предпринять для того, чтобы обзавестись ребенком.

— Ты собираешься встретить старость в одиночестве? Или надеешься, что всегда найдутся мужчины, готовые его тебе скрасить?

— Всегда найдутся. До смерти. Кто-нибудь да обогреет. Я глубоко убеждена, что личная жизнь заканчивается, когда начинается совместная. Но, как ни зарекайся, инстинкты побеждают. И все равно начинаешь с кем-то встречаться. И понеслось! Сначала он тихим сапом приезжает к тебе на два дня, потом на три, на пять. И уже мортнуть не успеешь — а он у тебя поселился. Когда ты это осознаешь, с одной стороны, радуешься до обалдения, а с другой — понимаешь, что это начало конца.

— А ты не пробовала другой вариант: к нему приезжать?

— Пробовала. Жила у Андрюхи Макаревича. И какое-то время еще у одного парня. Но это не для меня. Я законченный собственник — мне просто необходимо, чтобы все в доме было мое. Или почти все.

Спарнем, о котором я упоминала, мы сначала попробовали жить у него. Я выдержала а неделю.

«Ты можешь себе представить, чтобы такая, как я, с таким вот лицом, ложилась в постель с первым встречным?»

монастырь. И до сих пор он в монастыре — черный монах.

— Сейчас ты живешь вдвоем с собакой. Я сомневаюсь, что собака заменяет тебе мужчину.

— Нет, ну у меня есть какие-то отношения. Понятно, собака мужика не заменит.

— Помню, ты как-то мне говорила, что ты — женщина верная.

— До определенной степени. Я верная тогда, когда в моей жизни уже появился кто-то

после чего с нервным тиком, вся в пятнах вернулась к себе на квартиру и поняла: как мне здесь хорошо!

— Но у Макаревича ты выдержала подольше. Аж три с половиной года. Должно быть, или он сам такой необыкновенный мужчина, или хитрость у него на редкость привлекательная.

— У него действительно неплохой дом. Загородный, большой. Это, конечно, не в

квартире тусоваться на пяти с половиной метрах. Там можно было затеряться друг от друга. И потом, Макара часто на гастроли ездил, а я оставалась как полноправная хозяйка. И потому тот дом стал как будто наполовину моим.

— Значит, дело все-таки в доме, а не в том, что Андрей такой раскрепосный?

— И в том, и в другом. У Макара очень хорошая энергетика. Он человек такой же, как и я, — рок-н-рольный. И мне в его доме с первого же дня было уютно.

— А что же расстались, если все было так мило?

— Даже не знаю — ссоры никакой не было. Наверное, просто надо было что-то менять. Или уже расписываться. И началась моя мерзкая семейная жизнь, вся эта бытовая фигня, к которой мы оба не были готовы... Я очень рада, что мы разбежались нормально, без истерик, много друг другу дали. Не знаю уж, чего я ему дала — это надо у него спросить. А меня он многому научил.

— Неужели каким-то сексуальным гитикам?

— Да нет, что ты! Мы взрослые люди, пожилые. Какой уже секс!

У Макара я чувствовала себя классно. А во всех других квартирах — не могу. Даже у своих самых лучших друзей. Может быть, потому, что за студенческие годы где только не переночевала. По каким-то знакомым, незнакомым, по общагам и коммуналкам.

— Понятно, как начнешь пить у кого-то на квартире — и на десятый день приходишь в себя совершенно в другом месте.

— Да-да-да. А потом вечно не было денег, чтобы снять себе достойное жилье. Уо время меня даже прикалывало оставаться у кого-то ночевать. Новые люди, новые места. Видимо, я просто перетусовалась. И сейчас в любом состоянии я стараюсь добраться до дома. Здесь все свое: моя коечка, мое бельишко. Скорее всего это уже возраст.

— Говорят, 30 лет — критический возраст для женщины. Якобы мужчина после 30 только задумывается о будущем, а женщина — уже вспоминает о прошлом.

— Я думаю, не так. По-моему, мужчина начинает жить после 40, а женщина — после 30. Я и в любовь до 30 не верю. Причем поняла это давно, еще уча в каком-то питюсочном классе. И безумно ждала, когда же мне исполнится тридцать. И всегда была уверена, что с 30 до 40 меня ожидает звездное десятилетие — и в работе у меня все сложится удачно, и с деньгами проблемы решатся, и встречу настоящего человека своей жизни. И в принципе уже все это начинается сбываться. После стольких лет неподвижности я ушла с одной радиостанции на другую.

— А в личной жизни? Уже встретила того самого настоящего человека?

— Нет еще. Пока только разошлась с предыдущим. У меня все перемены случились одновременно. Я купила новую машину (ту самую, которую уже успели увести. — Аем.), в этот же день рассталась со своим бой-френдом, а за две недели до этого ушла с «Европы плюс». И сейчас можно сказать, что моя жизнь глобально изменилась.

Наталья РЖЕВСКАЯ.

